

литературное
НОВОИ
обозрение

№ 13

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ

ЛИТЕРАТУРЕ И ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ ФРАНЦИИ

Составители и редакторы номера
Сергей Зенкин, Вера Мильчина

Издание номера осуществлено при поддержке Министерства иностранных дел Франции и при содействии Посольства Франции в России.

МОСКВА

ВОЙНА, ТУРИЗМ И КУЛЬТУРА

(Русско-французский colloquium
«Стендаль и Россия»)

С 12 по 17 сентября 1994 г. в Москве и Петербурге проходил международный colloquium «Стендаль и Россия», организованный по инициативе Общества франко-русских стендалевских встреч Учебной библиотеки Гренобля во главе с писательницей Николь де Поншара, при поддержке ЮНЕСКО, Дома наук о человеке (Париж), посольства Франции в России, Института мировой литературы РАН (Москва), Института русской литературы РАН (Петербург), Французского института (Петербург). В организационный комитет с французской стороны вошли М.Крузе, В.Трубецкой, Е.Эткинд, а с русской стороны — А.Михайлов, Н.Балашов, П.Заборов, Е.Гвоздева.

Colloquium стал частью обширной программы «Литературных встреч» в сентябре 1994 года между французскими издателями, переводчиками, работниками библиотек департамента Рона-Альпы и редакторами русских журналов. 12 сентября в ИМЛИ в ее рамках состоялся круглый стол по проблеме «Россия — Европа: конец схизмы» (название недавно вышедшей во Франции книги Ж.Нива) с участием самого автора книги и критиков М.Чудаковой, А.Архангельского, И.Виноградова, Е.Эткинда. Круглый стол превратился в жаркую дискуссию о том, нужна ли нам, то есть России, Европа. Спор этот был спровоцирован весьма рискованным замечанием И.Виноградова, что схизмы, мол, никогда-то у нас и не было, а следовательно, не было и духовного переворота у русской интеллигенции, и незачем нам опять в пример ставить Европу и навязывать ее ценности. Сторонников у Виноградова нашлось не много, а полупутно выяснилось, что никто из выступавших (кроме Е.Эткинда) книги Ж.Нива не читал. Так что настоящего диалога культур не получилось, а состоявшаяся вместо него идеологическая полемика не была в полном смысле диалогом.

На этом фоне значительно серьезнее выглядел сам стендалевский colloquium. Один из самых великих прозаиков Франции, Стендаль был писателем по своему складу более европейским, чем французским; его познание России было не внешним впечатлением туриста, путешествующего по стране, но глубинным переживанием писателя и военного, который пришел в Россию победителем, уйдя оттуда побежденным (в 1812 г.). Его русские впечатления были, может быть, не более верны, чем у других, но определенно более лично и вместе с тем культурно пережиты.

Так и случилось, что основной темой московской части colloquium стала тема европейской культуры во всей множественности ее выражения. Даже наиболее традиционные компаративные доклады приобрели в этом смысле неожиданный поворот. Так, например, В.Трубецкой («Некоторые размышления о Пушкине и Стендале») предложил говорить не о влиянии одного писателя на другого, а об их «духовной встрече». Оба были романтиками с поправкой на век Просвещения, обоих объединяло пристрастие к пародическим имитациям-вариациям на знакомые темы. И у Пушкина и у Стендаля герои подавались нередко сквозь призму литературы, при этом возникал мотив опасности чтения романов: оба писателя говорили о злобещей роли литературы в жизни человека, который может стать истинным характером, достойным в свою очередь предстать в виде героя романа, лишь полностью от литературы освободившись (так Жюльен Сорель, Татьяна и Онегин, герои «Повестей Белкина» совершают ошибки, пока следуют книгам). Другие общие темы — дегеронизация и деэстетизация войны, полемика с орнаментальной и живописной прозой, тема игрока в поисках беспронгрешного шанса, что противоречит самой сути игры (Германн и Жюльен Сорель).

К противоположному выводу — о несовпадении «горизонта ожидания» Стендаля и русской литературы — пришел Ж.Нива в докладе «От Жюльена к Цинциннату». Основной вопрос, поставленный им, — есть ли в русской литературе нечто сопоставимое со «стендализмом» и «бейлизмом»: тема счастья как абсолютного господства настоящего, поэзия чистой энергии, любовь как поединок двух индивидуальных волей, политика как дуэль человека и общества, наполеоновская тема как образ энергии, охватившей европейские сердца после 1815 года. Казалось бы, ответ мог быть положительным. Однако уже в наполеоновской тематике обнаруживается принципиальное различие: русских «наполеоновских героев» отличает от Жюльена Сореля и Фабрицио дель Донго совесть, замешенная на идеях общественного блага. Так, например, лермонтовский Печорин далек от истинного

«бейлизма, ибо в своем «великом обмане» не находит счастья. Русские писатели не способны были создать стэндалевский тип абсолютного эгоиста, лишенного какого бы то ни было проблеска веры. Даже Цветаева с ее героическим культом Орленка и Дон-Жуана слишком уж склонялась к любви к обиженным и слишком любила неудачу. Другой же «певец энергии», Горький, кончил сотрудничеством со Сталиным. И лишь в «Приглашении на казнь» В.Набокова появляются, хотя и в иронической тональности, типично стэндалевские ноты: абсолютное отсутствие религиозности, страх перед посредственностью, поиск счастья, которое оказывается возможным лишь в тюрьме.

Другим ракурсом проблемы культуры (в частности, национальной культуры) стала на коллоквиуме тема путешествий, к изучению которой в контексте стэндалевского творчества обратился целый ряд докладчиков.

Так, в докладе А.Строева «Россия глазами Стэндала: преобразование «общих мест» в центре внимания — трансформация культурных стереотипов войной. «Горизонтом ожидания» для Стэндала — наполеоновского офицера — были традиционные для европейца представления о России как варварской стране кочевников, где все построено на противоречии: Россия — страна любви, где правят в основном женщины, но одновременно и страна тюрем; в стране-пустыне есть свой оазис культуры, свой Версаль (то есть Петербург), однако и он, в сущности, оказывается кочевым. К этому добавлялся еще один стереотип, возникший уже после Французской революции: французские аристократы ждали, что дикари-славяне, перенявшие их культуру, освободят Францию и вернут ее в прежнее состояние. Однако война перевернула все эти представления. В описании Стэндалем Москвы (речь идет о дневнике 1812 г.) уже не русские, а французы представляются варварами-огнепоклонниками. И этот огонь преобразует, в свою очередь, стереотип восприятия России, ибо в огне явлены смерть и красота. Происходит обмен ролей: французы надевают маску русских, а воображаемая Россия облекается в итальянские одежды, становясь сказочным краем, который вскоре Стэндаль оставляет навсегда.

Об Италии как точке отсчета и объекте сравнения при описании Москвы Стэндалем шла речь и в докладе Б.Дидье «Россия в дневнике Стэндала». Докладчица продемонстрировала, как история и война меняют существо писательского «я» и каким образом литература, письмо порождаются противостоянием писателя «грязи истории». Вместе с тем война и варварство вызывают переосмысление предшествующей литературной традиции: суровость военной жизни закаливает Стэндала от руссоистской «трепетной чувствительности». Стэндаль радостно крадет томик Вольтера в русской усадьбе — это акт антируссоизма в двойном аспекте: и как противопоставление вольтеровских фацеций унылому руссоизму вообще, и как противопоставление веселого акта воровства мелодраматической истории с кражей ленты в «Исповеди» Руссо.

Тема русской кампании 1812 года, сыгравшая столь важную роль в художественной эволюции Стэндала, оказалась вообще существенной для французской культуры той эпохи, как это было показано в докладах П.Лафорга «Виктор Гюго, русская кампания и прогресс истории» и М.Кадо «Вода и лед, или Россия Мишле». У Гюго тема отступления 1812 года нашла отражение в поэме «Искушение», где русская равнина, покрытая снегом, вписывается в апокалиптический контекст, становясь символом провиденциального смысла истории. Метафора снега, и в особенности снега тающего, как показал М.Кадо, с легкой руки Кюстина легла в основу распространенного во Франции представления о русском характере: антитеза мобильности (вода) и твердости и жесткости (лед) отражает историческую перспективу России, где идея подвижности (номадизма) тесно связана с идеей инертности. Одним из первых создателей такого представления о «русской душе» на Западе был Мишле. Лед у него уподоблялся действиям русского правительства, стремящегося остановить течение воды (народ). Метафора оказалась чрезвычайно живуча, уже в XX веке она получила новое политическое осмысление: движение воды подо льдом дало знаменитую «оттепель» 60-х годов.

Понятие «культуры», изменение его значения на рубеже XVIII и XIX веков, отношение Стэндала к трансформации этого термина в эпоху романтизма стало темой доклада С.Зенкина «Стэндаль-турист и проблема культуры», посвященного двум «туристическим» произведениям Стэндала: «Рим, Неаполь и Флоренция» и «Записки туриста».

Стэндалевского путешественника, хоть и восхищающегося памятниками старины, все же более привлекает театр, современная светская жизнь, человеческие страсти. Романтический культ «святыни» чужд ему. Соответственно основной формой повествования оказывается у Стэндала анекдот — форма космополитическая по

преимуществу. Стендалевскому путешественнику не постичь культуры страны, он остается вне ее, ибо за культурой видит прежде всего человека. Предпочтение, которое Стендаль отдает итальянскому характеру, — есть возврат к идеологии Просвещения с ее культом естественного человека.

Проблема культурного мифа, его создания и разрушения, но поданная в языковом аспекте, была поставлена в докладе И. Стаф «Стендаль и д'Обинье, проблема "видимости"». В «Итальянских хрониках» Стендаль, подражая настоящим итальянским хроникам, попытался воспроизвести их простой язык, передающий сущность, а не видимость вещей французским языком своего времени. Сложность, однако, состояла в том, что французский язык эпохи Стендаля, продукт придворной культуры, обладал ярко выраженным свойством не «быть», но «казаться». Это впервые было зафиксировано Агриппой д'Обинье в «Приключениях барона Фенеста», дважды упомянутых в «Итальянских хрониках». Перевод «существа» итальянских хроник на французский язык, иными словами, стилизация, но лишенная как иронии, так и самоиронии, оказывается делом порочным по определению. Оно приводит Стендаля к созданию очередной мифологемы и делает «Итальянские хроники» естественной частью стендалевского всего лишь мифа об Италии.

Особый жанр на коллоквиуме представляли собой доклады, основная ценность которых состояла во введении в научный оборот архивных материалов. О некоторых деталях в отношениях между Стендалем и А.И.Тургеневым рассказала В.Мильчина в докладе «Взаимоотношения Стендаля и Александра Тургенева». Отражение личности г-жи Крюденер в романах Стендаля стало темой доклада Е.Гречаной «Литературный салон Юлии Крюденер по материалам ее неизданного дневника». Предметом внимания Р.Бедзоло были стендалевские рукописи незавершенной биографии Наполеона (доклад «Стендаль, биограф Наполеона»). Темы незавершенности коснулся и Н.Балашов в докладе «Лирический принцип в романах Стендаля» показав, как биографическая и временная незаконченность романа «Ламбель», оказавшись пророческой, почти вписала его в контекст XX в.

Проблеме восприятия Стендаля в России были посвящены доклады А.Михайлова и Е.Дмитриевой. А.Михайлов («Стендаль и Гоголь»), проанализировав мемуарные и архивные свидетельства, поставил вопрос о знакомстве Гоголя с произведениями Стендаля и о возможности непосредственного влияния Стендаля на Гоголя, а также о возможности личной встречи Гоголя и Стендаля в Париже (на что был склонен дать скорее отрицательный ответ). В докладе Е.Дмитриевой «Стендаль в русских журналах 1830-х гг.» обращалось внимание на преимущественный интерес русской журналистики 1830-х гг. к «Прогулкам по Риму». «Миф Рима», по-разному понятый и истолкованный, объединял западников и славянофилов: у первых отношение к Риму определялось отношением к папству как великой объединяющей силе, вторые же, воскресив полузабытую формулу «Москва — третий Рим», начинали отождествлять Рим с Россией. Тема красоты, забвения и смерти, заданная Стендалем в «Прогулках по Риму», также была важной составляющей русского мифа об Италии (ср. финал повести Гоголя «Рим», а также более позднюю новеллу Г.Чулкова «Голос из могилы»).

В докладах Т.Соколовой и О.Смолицкой речь шла об изучении Стендаля в советской науке. Однако если Т.Соколова избрала своим предметом славную страницу в истории отечественного стендалеведения — труды Б.Реизова, то О.Смолицкая, напротив, весьма колоритно воссоздала советский миф, созданный вокруг творчества Стендаля для массового потребления. Признанный вместе с Бальзаком в качестве великого писателя, Стендаль должен был укрепиться в сознании советского читателя как реалист, а не как романтик. Отсюда и некоторые затруднения в его официальной интерпретации. Так, разочарование Стендаля в Наполеоне педалировалось гораздо сильнее, чем предшествующее очарование им; в «Красном и черном» виделось прежде всего противоречие между *революционной личностью и реакционным обществом*, что, впрочем, не исключало и некоторого опасения, как бы Жюльен Сорель не стал дурным примером для советской молодежи. Доклад вызвал горячую полемику; а яркое выступление Н.Балашова, оспорившего существование официальной стендалевской мифологемы, скорее убеждало в обратном.

«Практической» частью московской части коллоквиума стала прогулка, но не по Риму, а по Москве, хранящей еще память о Стендале, предложенная гостям О.Принцевой.

Е. Дмитриева

* * *

Коллоквиум продолжился в Петербурге докладом К. де Грэв «Представление о России во Франции в момент отъезда Стендаля». Это представление, как показала докладчица, складывалось в 1812 г. из негативных мнений, слухов и работ об агрессивных тенденциях России. Более терпимое отношение являл собой театр, пьесы о русской жизни, показывавшие положительные черты русского характера. Большое значение имели также публикации в «Меркюр де Франс», где не только пересказывалось содержание этих пьес, но и давался их анализ, осуждавший крепостничество.

Л. Вольперт (Тарту) вновь подняла на коллоквиуме проблему «Пушкин и Стендаль», показав как их типологическую общность, так и генетическое родство. Субъективистскому монизму романтиков оба противопоставляют объективный взгляд на мир. Концепция «истинного романтизма», созданная обоими писателями одновременно и независимо друг от друга, была ориентирована на объективизацию повествования, на множественность точек зрения и иронию. В автобиографической прозе («Путешествие в Арзрум», «Дневники» Стендаля, «Жизнь Анри Брюлара») эта позиция нашла отражение в деэстетизации войны и природы, а в художественной («Арап Петра Великого», «Арманс») — в специфике историзма, «шекспиризма», психологизма (оба находят героя среди «вечных образов» Шекспира, Пушкин в «Отелло», Стендаль — в «Гамлете»). После знакомства в 1831 г. Пушкина с романом «Красное и черное» черты типологической общности и генетического родства переплетаются. Воздействие Стендаля особенно заметно в «Пиковой даме» (переключки названий, символизм, лейтмотивность, углубленный психологизм, темы судьбы, случая, безумия, Наполеона). В структуре образов Германна и Сореля много общего: жажда успеха, «игра» с судьбой, ориентация на Наполеона.

Доклад Ж.-Л. Дарсея назывался «Петербургские приемы Жозефа де Местра: противоположные картины одного деяния и одного города». Стендаль и де Местр — антиподы во всем, в отношении к Революции, Наполеону, монархии, религии; но такие «негативные» связи могут лучше высветить позицию Стендаля. Местр в своем главном произведении «Санкт-петербургские вечера» (1821) проводит мысль о назначении Санкт-Петербурга — построении монархического порядка и реставрации религиозной солидарности Европы. Статуя Петра для него символ власти, а весь город — символ сопротивления идеям Французской революции.

Тему доклада А.-М. Делок-Фурко «Императорская власть и военные действия» можно было бы уточнить: наполеоновская администрация в походе и как она была связана с миссией Стендаля в России. Административный аппарат Наполеона позволял императору держать в руках все нити благодаря огромному чиновничьему аппарату, образцовой почтовой службе и оптическому телеграфу. Из 600 тыс. войска сражались только 100 тыс., а остальные были необходимы, условно говоря, для того, чтобы Стендаль в качестве чиновника, докладывающего о событиях и решениях Государственного Совета, мог без осложнений и с удобством добраться до Наполеона и передать ему в Красном портфель с документами. Здесь — загадочный момент биографии Стендаля: он должен был передать портфель и вернуться, но он получает должность комиссара армии при генерале Дарю (обычно такая метаморфоза штатского в военного исключалась), что и сделало его свидетелем битвы при Бородино. Он один из немногих рано понял, что быстрое отступление — единственное спасение. Его отослали в Смоленск раньше главного корпуса за фуражом (это, возможно, его спасло).

Доклад М.-Р. Гинар-Корредор назывался «Стендаль и Россия: образы внешнего». Россия — вне круга понятий французов, она и пугала, и отталкивала, и притягивала Стендаля. Русская тема и русские герои есть почти во всех его романах. Русская кампания заставила его навсегда возненавидеть войну. Для него, как и для многих французов, Россия оставалась страной «вне», но все же в его памяти это и страна будущего романа.

Ефим Эткинд («Человек внутри и внешняя речь. Толстой и Стендаль») избегает говорить о «влиянии» одного автора на другого, предпочитая рассуждать о сходстве их творческого пути. На примере анализа сцен из «Войны и мира» и «Пармской обители» можно продемонстрировать сходный метод показа внешних событий, увиденных «изнутри» (взгляд Николая Ростова на Наполеона и Александра I и взгляд Джинны на Эрнеста IV). «Внутренний взгляд» героя на событие важнее самого события и имеет важную характерологическую функцию, развенчивая разнообразные формы «романтической» лжи. Таким же способом достигается эффект «деэстетизации»

войны: у романтиков война также изображается безобразной, но это всегда — «эстетизированное» уродливое. Представленное же глазами героя, увиденное «изнутри», оно предстает как нечто обыденное, как грязная и подлая работа, и потому оно гораздо страшнее.

Тема доклада Г. Фридендера — «Стендаль и Достоевский». У Достоевского нет упоминаний Стендаля, и неизвестно, читал ли он его, но типологическая общность двух писателей несомненна. Сходны образы главных героев «Красного и черного» и «Преступления и наказания». Оба измеряют себя «наполеоновским» масштабом — способны ли они «преступить». Оба, избирая путь, изменяют самим себе; оба имеют двойников («раздвоенная» личность). Для обоих характерна борьба холодного рассудка с живой натурой, оба в конце произведения признают свое поражение, ошибочность выбора пути.

П. Заборов в докладе «Барон де Дамас, русский генерал и французский министр» рассказал об удивительной судьбе французского эмигранта, который ребенком был отослан в Россию, обрел здесь вторую родину, друзей (в первую очередь дом Олениных), получил чин генерала, был ранен в сражении 1812 г. Дамас одновременно гордился победой русских и скорбел о поражении Франции. Вернувшись во Францию в 1817 г., он в 1824-м стал министром иностранных дел, а после революции 1830 г. уехал в Англию с уверенностью, что будет 3-я реставрация законной ветви Бурбонов. Стендаль, отзываясь о нем иронически, подчеркивает всякий раз его исключительную честность. Эта верность своим принципам видна в «Мемуарах», над которыми Дамас работал до 1862 г., и в найденных П. Р. Заборовым 24 письмах (14 написаны по-французски), в которых он предстает человеком хотя и несколько ограниченным, но прямым, честным и неизменно преданным законной монархии.

Л. Вольперт